

Тем временем до Чжао Ханя тоже дошли слухи, кипевшие в столице.

— Сяо Минъюй вернулся живым? — воскликнул он, не веря своим ушам. — Не погиб где-то на чужбине? И спасла его именно матушка? Вы уверены, что ничего не перепутали?

— Молодой господин, об этом трубят весь город, — слуга замялся, не зная, как преподнести следующую новость. — И ещё... говорят, госпожа не собирается возвращаться в резиденцию.

Слуги в покоях Чжао Ханя втайне ликовали. Раз настоящий сын госпожи хоу, по слухам, скончался от болезни в Нинчэне, значит, их хозяину не придётся возвращать законное место и титул.

Сам юноша ничуть не заботился о том, вернётся ли приёмная мать. Его куда больше тревожило спасение Сяо Минъюя. Это слишком сильно расходилось с его воспоминаниями о прошлой жизни.

— Свободен, — махнул он рукой слуге. — Немедля докладывай, если узнаешь что-то новое.

— Слушаюсь, господин, — слуга поспешно поклонился и выскользнул за дверь.

Чжао Хань нахмурился и принялся мерить комнату шагами. В его прошлом не было никакой истории с князем Дуанем. Тот должен был скончаться от болезни через пару лет, после чего титул перешёл бы к бастарду, которого воспитывала кузина Драгоценной наложницы. Новый князь Дуань и Гуйфэй спелись бы, а после воцарения нового императора их бы всех вырезали, и само имя дома Дуань кануло бы в лету.

Но в этой жизни законный наследник вернулся. И привезла его госпожа Фань.

«Должно быть, это из-за меня матушка отправилась в Нинчэн раньше срока, — рассуждал он. — Неужели именно это спасло жизнь мальчишке? Если бы всё шло по старому пути, он бы точно погиб»

Юноша быстро убедил себя, что именно он стал причиной перемен, и его тревога улеглась. Раз это он изменил судьбу, значит, Сяо Минжуй всё равно станет наследником государя, как и в прошлой жизни. Ему нужно лишь набраться терпения. Минжуй взойдёт на престол, а сам Чжао Хань станет его Гуйфэй, а со временем — и вдовствующей императрицей.

От этой мысли ему стало легко. Ло Юаньцзин мёртв — так о чём беспокоиться? Даже если правда о подмене всплывёт, какой в этом прок? Наследник в этой жизни любит его, а не Ло Юаньцина. И пускай матушка спасла жизнь маленькому принцу — Чжао Дэчан и Чжао Ци на его стороне. Что она сможет ему сделать?

А то, что она живет отдельно и не желает возвращаться... Что ж, Чжао Хань считал это обычной попыткой набить себе цену. Пользуясь благодарностью князя Дуаня, она хочет заставить мужа приползти к ней на коленях.

«Пусть кается, — усмехнулся он. — Разве это изменит тот факт, что я выхожу замуж за наследника князя Чэн?»

В это время над воротами нового дома госпожи Фань уже красовалась табличка «Резиденция Фань». Слуг, присланных князем Дуанем для ухода за Миньюем, было едва ли не больше, чем хозяев. Госпожа отвела им отдельный двор, предоставив людям из княжеского дома устраиваться по своему вкусу, а сама занялась обустройством комнат для Юаньцзина.

Вспомнив, что её приданое всё ещё пылится в доме мужа, она решила при случае одолжить у Миньюя пару крепких парней и вывезти своё имущество. Всё в этом доме казалось ей недостаточно хорошим — для своего сына она желала самого лучшего.

Пока она раздавала указания, приехали её брат с супругой. После долгих приветствий выяснилось, что Фань Дагэ и его жена и представить не могли, что сестра всерьёз решит развестись.

— Сестрица, неужели ты совсем не думаешь о Чжао Ци? — спросил брат.

При упоминании сына лицо маркизы омрачилось. Вспомнив его холодность, она горько усмехнулась:

— Он во всём заодно с отцом. Он — наследник титула, что ему до матери? Есть я в том доме или нет — для него нет разницы. Брат, невестка, простите, что доставляю вам хлопоты.

Фань Дасао всегда была в добрых отношениях с золовкой. Её сердце обливалось кровью при мысли о том, как хоу обошёлся с женой. Потерять собственного ребёнка из-за беспечности мужа — какая мать сможет такое простить? И при этом хоу даже не считал себя виноватым.

«Будь мой муж таким же, я бы и дня с ним не осталась», — подумала Фань Дасао.

— Какое горе... Несчастное дитя... Как земля носит таких отцов? — сокрушалась она.

Даже если маркиз и не знал о судьбе сына, он всё равно оставался его родителем. А отдать родную плоть и кровь в наложники кастрату — это было выше понимания невестки. Она знала, что мальчик родился шуаньэр и из-за подмены попал в семью торговца. Столько страданий... А когда правда наконец открылась, он даже не успел вернуться в родной дом.

Вспомнив о Чжао Хане, который преспокойно жил в резиденции хоу, Фань Дасао почувствовала прилив праведного гнева.

Маркиза Фань не хотела, чтобы родные изводили себя горем, и взглянула на Юаньцзина. Стоит ли раскрывать правду? Самому юноше было всё равно, лишь бы его не заставляли возвращаться к отцу. Увидев его молчаливое согласие, женщина облегчённо вздохнула.

Невестка заметила этот обмен взглядами и с любопытством воззрилась на «приёмного сына». Присмотревшись, она замерла в изумлении: черты лица юноши до странного напоминали её золовку.

— Сестрица, этот молодой человек...

— Всем выйти, — распорядилась маркиза. Когда слуги покинули комнату, она взяла Юаньцзина за руку и подвела к родным. — Брат, невестка, только не сердитесь. Я обманула хоу и весь его дом. Даже Лин-эр ничего не знает. На самом деле я нашла своего сына. История с «приёмным сыном» была лишь прикрытием, чтобы обмануть Дэчана. Его зовут Юаньцзин. Он не пожелал признавать такого отца, поэтому вернулся со мной под видом мужчины.

Фань Дагэ с женой лишились дара речи. Приёмный сын оказался родным?

Юаньцзин вежливо поклонился старшим, соблюдая этикет, принятый у мужчин:

— Юаньцзин приветствует дядю и тётю. Простите, что заставил вас волноваться.

Брат маркизы осматривал его снова и снова. Ни тени женственности, ни капли повадок шуаньэр — перед ним стоял настоящий юноша. Неужели сестра от горя просто перенесла свою любовь на первого встречного?

— Сестрица, это правда?

Невестка пришла в себя быстрее мужа:

— Конечно, правда! Посмотри на него, он же вылитая мать! Вот это я понимаю — наша порода, Фань. Совсем не то, что тот подкидыш. Дитя, сколько же ты натерпелся за эти годы...

Фань Дагэ горько вздохнул:

— Но сестрица, ты потакаешь ему в этом? Что же будет дальше? Не может же он всю жизнь притворяться мужчиной и никогда не выйти замуж?

Госпожа Фань тоже беспокоилась об этом, но воля сына была для неё важнее.

— Пока я жива, я смогу его защитить, — отрезала она. — Брат, ты знаешь, что за человек Чжао Дэчан. Если бы Юаньцзин вернулся в дом как шуаньэр, что бы муж сделал с такой внешностью сына?

Фань Дагэ замолчал. После последних событий он ясно видел истинное лицо зятя. Ради власти тот не остановился бы ни перед чем. Маркиз превратил бы жизнь ребёнка в инструмент для выгодного союза. А что мог сделать дядя против воли родного родителя?

— Дай мне подумать... Мне нужно всё это осознать, — пробормотал мужчина.

Ему всё ещё казалось, что скрывать пол — не выход. Неужели нет другого пути?

В этот момент в комнату вихрем влетел Миньюй. Слуги могли остановить кого угодно, но не этого маленького принца.

— Там снова люди у ворот! — закричал он, не дожидаясь доклада. — На этот раз приехали сам хоу и Чжао Ци!

Князь Дуань прислал лучших гвардейцев охранять сына, и теперь Миньюй узнавал новости быстрее, чем слуги госпожи Фань.

Едва он умолк, явился привратник с докладом: приехали Чжао Дэчан и его наследник. Без прямого приказа хозяйки слуги не решались впустить самого господина.

— Он приехал за тобой? — удивился Фань Дагэ.

Миньюй презрительно сморщил нос.

«Неужели этот дядя такой недогадливый?»

— Конечно, этот хоу притащился только потому, что я здесь! — самодовольно вскинул подбородок мальчик. — Если бы он правда хотел забрать жену, то явился бы ещё до вашего приезда.

Брат с невесткой переглянулись. Слова мальчишки были до боли правдивы. Если Дэчан таков, то какой смысл сестре возвращаться в его дом?

— Маркиза, желаете их видеть? — спросил Миньюй. — Если нет, я велю их прогнать.

Вернувшись в столицу, он перестал быть «маленьким беднягой» из Цзяннани. Теперь он снова был маленьким тираном столицы.

Маркиза Фань улыбнулась. Покровительство дома Дуань действительно дарило покой.

— Да, я не желаю его видеть. Полагаюсь на твою помощь, Минъюй. Передайте хоу и его сыну, чтобы убирались. И скажите им: скоро я пришлю людей, чтобы забрать моё приданое.

— Слушаюсь, госпожа.

— Матушка, я пойду с Минъюем, посмотрю на них, — вставил Юаньцзин.

— Иди, дитя, только будь осторожен.

Когда юноши ушли, Фань Дагэ с женой не смогли сдержать усмешки. Оказалось, сестре даже не нужна помощь родни — она и сама прекрасно справлялась с мужем.

— Он сделал что-то ещё? — изумилась Фань Дасао.

Маркиза холодно ответила:

— Именно Чжао Хань отправил своих людей в Нинчэн, чтобы те в нужный момент напомнили Ло Юнхаю о существовании евнуха Лю Фу. Это он подтолкнул того к мысли продать моего сына. Юноша с самого начала знал правду о своем происхождении и не хотел ни возвращаться к семье Ло, ни позволить Юаньцзину занять место в нашем доме и помешать его блестящему будущему.

— Откуда он мог узнать? Как он посмел? Неужели маркиз вырастил в своем доме настоящую змею?

Госпожа Фань горько усмехнулась:

— Не просто змею, а неблагодарного волка. Даже я, воспитавшая его как мать, в его глазах — лишь помеха.

Юаньцзин пытался выследить людей, которых Чжао Хань послал в Нинчэн, но так и не нашел их — скорее всего, они уже вернулись в столицу. Он сообщил об этом матери, чтобы она не заблуждалась насчет истинного лица её воспитанника и не попала в его ловушку. Он передал ей имена шпионов, чтобы она могла принять меры. Только благодаря знанию сюжета он смог заранее выяснить, кто эти люди.

Фань Дагэ, сделав несколько шагов по комнате, произнес:

— Неудивительно, что ты не хочешь возвращаться. С таким волком под боком и Чжао Дэчаном, который видит лишь выгоду, этот дом ничем не лучше волчьего логова.

У ворот резиденции Чжао Дэчан кипел от ярости. Жена посмела не впустить его? Что она о себе возомнила? Неужели он, хоу, должен пасть ниц перед женщиной и молить о прощении?

— Ломайте ворота! Я лично спрошу эту женщину, что она задумала! — рявкнул он своим людям.

Слуги маркиза двинулись было вперед, но им преградили путь.

— Попробуйте только! — предводитель стражников, положив руку на эфес меча, вышел вперед. За его спиной в два ряда выстроились гвардейцы князя. — Маленький принц отдал приказ: никого не впускать. Неужели хоу Хуайюань желает объявить войну дому князя Дуаня?

Лицо Чжао Дэчана позеленело. Гвардейцы князя? Он и представить не мог, что тот пойдет на такое.

— Это дом моей жены! Неужели я не имею права войти к собственной супруге? — уже тише, но всё еще с вызовом спросил он.

Гвардеец и бровью не повел:

— Я подчиняюсь только приказам господина. Что приказано — то и исполняю.

Услышав шаги за спиной, он обернулся и почтительно склонился:

— Ваше высочество, зачем вы вышли?

Миньюй, держа Юаньцзина за руку, вышел к воротам под защитой гвардейцев. Окинув мужчину презрительным взглядом, он хмыкнул:

— Какая спесь у хоу Хуайюаня! Ну что же вы? Ломайте ворота. Мне очень хочется посмотреть, как у вас это получится.

Чжао Дэчан едва не задохнулся от гнева, услышав такие речи от восьмилетнего мальчишки. Но сделать он ничего не мог — перед ним был будущий наследник великого князя. Пока тот был

здесь, ворота этого дома оставались заперты наглухо.

— Я не знал, что маленькое высочество живет здесь, — сквозь зубы выдавил хоу. — Иначе я бы не посмел вас беспокоить.

Миньюй снова фыркнул. Трусливое ничтожество. Если бы тот продолжил штурм, он бы хоть каплю его зауважал.

Знал бы Чжао Дэчан мысли мальчика, он бы сгорел от стыда. Но что ему оставалось? Идти на открытый конфликт с князем Дуанем? Его люди не шли ни в какое сравнение с княжеской гвардией. Попытка прорваться силой обернулась бы лишь позором на всю столицу.

— Не буду более мешать. Прошу, передайте моей супруге: я искренне скорблю о том, что случилось в Нинчэне. Резиденция ждет её возвращения. Ци-эр, мы уходим.

Чжао Ци, не обладавший выдержкой отца, едва сдерживался, чтобы не взорваться. Но он понимал: с князем Дуанем шутки плохи. Ему пришлось склонить голову перед восьмилетним ребенком. В его душе росла обида: будь их дом сильнее, разве пришлось бы им терпеть такое унижение? Он винил мать: не закрой она перед ними двери, им не пришлось бы выслушивать насмешки мальчишки.

Юаньцзин за всё это время не проронил ни слова. Он стоял и холодным взглядом наблюдал за этой сценой. Тётка с первого взгляда увидела сходство, а отец и брат в упор его не замечали. Особенно Чжао Ци, который проделал с ним весь путь из Нинчэна и не заподозрил неладного.

Тот, кто не впускает тебя в своё сердце, никогда не увидит правды.

Миньюй заглянул в лицо Юаньцзина и, не найдя там и тени печали, восхитился. Какой холодный и стойкий юноша. Именно такого он и выбрал себе в спутники.

Юаньцзин опустил взгляд на мальчика и улыбнулся, погладив его по голове:

— Миньюй сегодня был очень величественным. Теперь мы с матушкой под твоей защитой.

Мальчик покраснел, но тут же гордо выпрямился:

— Пока я рядом, никто не посмеет вас обидеть.

Гвардейцы князя Дуаня едва сдерживали улыбки. Их маленький господин был слишком очарователен в своей серьезности.

Убедившись, что сестра в безопасности под крылом дома Дуань, Фань Дагэ и его жена засобирались домой. Они договорились приехать снова, когда маркиза отправит людей за приданым — как родня, они обязаны были поддержать её и показать зубы дому Чжао.

Столица затаив дыхание следила за позором дома Хуайюань и возвышением маленького принца. Указ уже был оглашен — Миньюй официально стал наследником, а наложница Юй исчезла без следа. Всем было ясно: за похищением принца стояла именно она. Князь Дуань действовал столь стремительно, что Гуйфэй даже не успела вмешаться.

Ссора хоу с женой стала притчей во языцех. Сам Чжао Дэчан приехал за супругой и поцеловал запертые ворота. А через два дня Няня Цянь в сопровождении княжеских гвардейцев и людей семьи Фань явилась в резиденцию хоу.

Шум поднялся такой, что из своих покоев вышла сама Старая госпожа. Но даже она не смогла остановить гвардейцев князя Дуаня. Женщине оставалось лишь бессильно смотреть, как сундук за сундуком приданое маркизы покидает дом, чтобы отправиться в резиденцию Фань.

В столице говорили разное: кто-то шептался, что настоящий сын маркизы умер, кто-то — что пропал в лесах. Но госпожа Фань так и не назначила траур. Она объявила во всеуслышание: «Живым — искать, мертвым — верните тело». Пока она не увидит его праха, женщина верила, что сын жив. А живым панихиды не служат.

<http://bllate.org/book/15835/1506614>